

Анализ латентных профилей личностных детерминант преодоления трудных жизненных ситуаций (российская и узбекская выборки)*

Александр В. Вечерин^a, @, ID

^a Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, г. Москва

@ vech2000@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-8119-9992>

Поступила в редакцию 02.10.2020. Принята к печати 23.10.2020.

Аннотация: Представлены результаты анализа латентных профилей личностных детерминант преодоления трудных жизненных ситуаций на российской (989 человек в возрасте от 18 до 78 лет) и узбекской выборках (272 человека в возрасте от 18 до 48 лет). В исследовании были использованы следующие методики: Опросник проактивного копинга (PCI), Опросник толерантности к неопределенности (MSTAT-II), Опросник позитивных и негативных эмоций (PANAS). По результатам статистического анализа латентных профилей (LPA) была описана наилучшая модель, включающая пять латентных профилей. Данная модель продемонстрировала сходные профили на российской и узбекской выборках. Для профиля с высокими значениями по шкалам проактивного, рефлексивного, превентивного копинга, стратегического планирования и одновременно низкими значениями по шкалам поиска социальной и эмоциональной поддержки характерными являются высокий уровень позитивного и низкие значения негативного аффектов. Профиль с низкими значениями по шкалам проактивного, рефлексивного, превентивного копинга, стратегического планирования и одновременно более высокими значениями по шкалам поиска социальной и эмоциональной поддержки взаимосвязан с высоким избеганием проблемной ситуации, низкой толерантностью к неопределенности и негативным аффектом.

Ключевые слова: совладание с трудностями, проактивный копинг, стратегии совладания, толерантность к неопределенности

Для цитирования: Вечерин А. В. Анализ латентных профилей личностных детерминант преодоления трудных жизненных ситуаций (российская и узбекская выборки) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 4. С. 972–981. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-972-981>

Введение

Практика психологической помощи человеку часто связана с оценкой его отношения к трудным жизненным ситуациям и изучением различных стратегий совладания с трудностями. Наибольшее количество исследований в этой области проведено на примере клинических случаев, что в некоторой степени приводит к низкой эффективности использования данных клинических исследований в организации работы с психически здоровыми людьми. К таким исследованиям можно отнести модель Н. А. Сироты и В. М. Ялтонского, в рамках которой были сформулированы стратегии совладания, положительно взаимосвязанные с психологической дезадаптацией. К таким стратегиям они отнесли преобладание избегающих стратегий, низкий уровень поиска социальной поддержки и направленности на решение проблем, дисбаланс в регуляторных механизмах когнитивной оценки ситуации, эмоциональной регуляции деятельности, низкую осознанность стрессовой ситуации, а также интернальный локус контроля [1].

В психологии термин *копинг* (от англ. *cope* – преодолевать) используется для описания процесса преодоления

человеком трудной жизненной ситуации. Аналогами данного термина в русскоязычных публикациях являются *преодоление*, *совладающее поведение*. Заметим, что термин чаще всего относится исследователями не к внутренним переживаниям человека, а к его реальным действиям в трудной жизненной ситуации [2]. Л. Пирлин и К. Скулер определяют копинг как действия, направленные на избегание вреда от сложных ситуаций, возникающих в жизни [3].

Наиболее частым в научных публикациях является определение копинга как поведенческих и когнитивных усилий для повышения устойчивости и уменьшения внутренних и внешних конфликтов. В рамках этого подхода копинг направлен как на внешнюю среду в виде решения проблемной ситуации, так и на внутренний мир самого человека в виде навыков эмоциональной регуляции. Можно полагать, что стратегии совладания выступают в роли медиатора между окружающей средой и действиями человека в ответ на ее влияние [4]. Несмотря на сходное понимание исследователями общего определения копинга, различных видов совладания выделяется более четырехсот [5].

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 19-013-00612 «Межкультурный анализ личностных и ситуационных детерминант преодоления трудных жизненных ситуаций».

Наиболее перспективными представляются подходы, изучающие проактивные виды копинга, – в противовес реактивным формам совладания. Для проактивных форм совладания характерны предвосхищение будущих трудностей и накопление достаточных ресурсов для их решений. В рамках теорий проактивного совладания субъект направлен на активное изменение себя и окружающей среды для подготовки к будущим проблемам в большей степени, чем на проблемные ситуации, возникавшие в прошлом. Таким образом, проактивный копинг заключается в целеполагании и поиске механизмов достижения поставленных целей. Важную роль в таком целеполагании играет уверенность человека, что результат зависит именно от его усилий [6; 7].

В модели проактивного совладания обычно выделяют проблемно-ориентированные и эмоционально-ориентированные стратегии. Для проблемно-ориентированных стратегий характерным является поиск ресурсов для самостоятельного решения трудной жизненной ситуации во внешнем мире, в то время как для эмоционально-ориентированных стратегий, наоборот, субъект ищет способы регуляции своего внутреннего состояния.

В исследованиях проблемно-ориентированного совладания было показано, что такие формы копинга отрицательно взаимосвязаны с симптомами стресса [8]. Результаты некоторых исследований показывают, что меньший уровень тревожности характерен для людей с высоким преобладанием проблемно-ориентированных стратегий совладания, включающих превентивную подготовку субъекта к трудной жизненной ситуации [9]. Оценка ситуации как контролируемой положительно взаимосвязана с использованием проблемно-ориентированного совладания [10; 11] и улучшением здоровья [12]. Если уровень воспринимаемого контроля за ситуацией – низкий, то субъект чаще использует эмоционально-ориентированные стратегии совладания [13].

Относительно эмоционально-ориентированных стратегий совладания существуют достаточно противоречивые эмпирические данные. В одних исследованиях показано, что такие стратегии позитивно взаимосвязаны с эффективностью решения проблем [14]. Другие исследования демонстрируют положительную взаимосвязь эмоционально-ориентированных стратегий и различных психических заболеваний [9].

В качестве отдельной стратегии совладания выделяется поиск социальной поддержки. В ряде исследований было показано, что поддержка со стороны социального окружения положительно взаимосвязана с эффективным преодолением трудностей [15], а возможность обсудить возникающие проблемы с близкими людьми и получить совет снижает риски негативной оценки стрессовой ситуации [16]. Проактивное поведение в целом положительно взаимосвязано не только с целеустремленностью, но и с наличием высокого уровня социальной поддержки [17; 18].

В ряде исследований изучались взаимосвязи проактивного совладания с различными личностными ресурсами.

Были найдены положительные корреляции между стратегиями проактивного совладания и оптимизмом [19], жизнестойкостью и самоэффективностью [17; 20]. Заметим, что эти результаты демонстрируют высокое значение мотивационной сферы личности и навыков целеполагания в реализации проактивных стратегий совладания со сложной жизненной ситуацией.

Несмотря на множество исследований проактивного совладания на данный момент нет четких эмпирических данных о его положительной взаимосвязи с уровнем субъективного благополучия. В ряде исследований показано, что не все компоненты проактивного копинга положительно взаимосвязаны с высоким уровнем субъективного благополучия [15]. На российской выборке в целом не было найдено положительных взаимосвязей проактивного копинга и субъективного благополучия [21; 22]. Также существуют исследования, в которых не найдена взаимосвязь проактивных стратегий совладания с уровнем удовлетворенности жизнью [23].

Поэтому представляется актуальным изучение возможных стратегий проактивного совладания и их личностных детерминант во взаимосвязи с аффективными реакциями, сопровождающими восприятие и оценку человеком жизненных ситуаций.

Описание методик исследования

1. Опросник проактивного копинга – русскоязычная адаптация опросника *Proactive Coping Inventory* (PCI) [24; 25]. Опросник содержит 55 утверждений, разделенных на 6 шкал. *Проактивное совладание* (ПРО) измеряет отношение человека к трудной ситуации как источнику позитивного опыта и уверенность в успешном решении благодаря его усилиям. *Рефлексивное совладание* (РЕФ) – представление возможных вариантов поведения, когнитивную оценку ресурсов и прогноз результатов. *Стратегическое планирование* (СП) – способность планирования будущих действий с дифференциацией отдельных задач. *Превентивное совладание* (ППВ) – способность предвосхитить трудные ситуации с опорой на прошлый опыт. *Поиск инструментальной поддержки* (ИП) фокусируется на поиске респондентом информации от других людей для решения трудной жизненной ситуации. *Поиск эмоциональной поддержки* (ЭП) измеряет способность к регуляции своего эмоционального состояния посредством коммуникации с другими людьми. *Избегание* – направленность респондента на избегание решения проблемной ситуации в настоящем.

Шкала ответов содержит 4 варианта: абсолютно не согласен; частично согласен; скорее согласен, чем не согласен; полностью согласен, – которым при обработке присваиваются значения 1, 2, 3 и 4 балла соответственно. По результатам методики конфирматорного факторного анализа были получены хорошие показатели соответствия теоретической модели эмпирическим данным ($\chi^2=509,05$, $p<0,001$, CFI=0,95, TLI=0,94, RMSEA=0,04). Итоговый вариант опросника продемонстрировал хорошие показатели

внутренней дискриминантной валидности на русскоязычной выборке. Были получены значимые корреляции с близкими по содержанию шкалами опросника COPE.

2. Опросник позитивных и негативных эмоций PANAS [26]. Опросник представляет собой список из 20 прилагательных. Респонденту предлагается оценить, в какой мере он чувствовал себя подобным образом в течение последних нескольких недель. Оценка производится по шкале от 1 (почти или совсем нет) до 5 (очень сильно).

3. Опросник толерантности к неопределенности [27]. Опросник содержит 13 утверждений, оцениваемых респондентом по шкале от 1 (абсолютно не согласен) до 7 (совершенно согласен). Данная методика демонстрирует хорошие психометрические показатели по результатам конфирматорного факторного анализа ($\chi^2=50$, $p<0,01$, NFI=0,97, TLI=0,95, RFI=0,91, RMSEA=0,05).

Описание выборки исследования

В исследовании приняли участие 1264 человека. Российская выборка: 733 женщины в возрасте от 18 до 70 лет ($M=21$, $SD=7,91$) и 256 мужчин в возрасте от 18 до 78 лет ($M=21$, $SD=7,92$). Узбекская выборка: 167 женщин в возрасте от 18 до 48 лет ($M=21$, $SD=3,94$) и 105 мужчин в возрасте от 18 до 36 лет ($M=22$, $SD=3,71$). Сбор данных осуществлялся в смешанном формате: половина респондентов российской и узбекской выборок заполняли опросник в печатном виде, другая половина – в виде электронной формы. Значимых различий в средних значениях печатной и электронной версий обнаружено не было.

Анализ латентных профилей проактивных стратегий совладания: российская выборка

Результаты анализа распределения данных с использованием критерия Шапиро-Уилка демонстрируют значительные отличия от нормального распределения, что подтверждается высокими значениями асимметрии и эксцесса (табл. 1). В этой связи как наиболее корректные методы анализа

данных были выбраны непараметрические и робастные статистические процедуры.

Анализ латентных профилей (LPA) – это категориальный подход с латентными переменными, который фокусируется на выявлении латентных субпопуляций в популяции на основе определенного набора переменных. В рамках анализа латентных профилей предполагается, что людей можно с разной степенью вероятности распределять по категориям, которые имеют разные конфигурационные профили личных и / или экологических атрибутов [28]. Для анализа латентных профилей был использован статистический пакет TidyLPA [29] в среде R. Наиболее низкий уровень штрафного байесовского информационного критерия ($BIC=15872,93$) – у модели с пятью латентными профилями (табл. 2). В этой модели наблюдается хороший уровень разделения на профили (0,73) и устойчивые различия по шкалам методики PCI.

Табл. 2. Показатели качества модели латентных профилей: российская выборка

Tab. 2. Quality indicators of the model of latent profiles: Russian sample

Количество латентных профилей	AIC	BIC	Entropy
1	16909,04	16967,84	1,00
2	16138,90	16231,99	0,70
3	15905,22	16032,61	0,73
4	15842,53	16004,22	0,65
5	15676,95	15872,93	0,73
6	15715,24	15884,52	0,72

Прим.: AIC – информационный критерий Акаике; BIC – байесовский информационный критерий; Entropy – энтропия.

На рис. 1 представлены средние стандартизированные значения и 95 %-ные доверительные интервалы среднего по шкалам методики PCI для каждого латентного профиля российской выборки. Полученные данные позволяют

Табл. 1. Описательные статистики: российская выборка

Tab. 1. Descriptive statistics: Russian sample

Шкала	Среднее	Стандартное отклонение	Асимметрия	Эксцесс	Критерий Шапиро-Уилка (W)
ПРО	2,97	0,560	-0,439	0,310	0,977*
РЕФ	2,93	0,643	-0,252	-0,258	0,973*
СП	2,57	0,777	-0,062	-0,588	0,968*
ПРВ	2,85	0,602	-0,168	-0,233	0,982*
ИП	2,73	0,674	-0,129	-0,371	0,978*
ЭП	2,71	0,767	-0,193	-0,604	0,971*
Избегание	2,10	0,669	0,494	0,089	0,954*
Толерантность к неопределенности	52,2	12,6	0,101	-0,134	0,997**
Позитивный аффект	14,1	17,5	0,579	-1,43	0,728*
Негативный аффект	10,5	13,6	0,838	-0,764	0,750*

Прим.: уровень значимости критерия W: * – $p<0,001$; ** – $p=0,048$.

выделить пять наиболее устойчивых и достаточно дифференцированных профилей. Для первого профиля характерны высокие показатели по всем видам проактивного копинга. Для второго наблюдаются очень низкие значения по шкалам проактивного, рефлексивного, превентивного копинга, стратегического планирования и одновременно высокие значения по шкалам поиска социальной и эмоциональной поддержки. Для третьего профиля характерны низкие значения по всем шкалам, а для пятого – средние значения по шкалам методики РСІ. Четвертый профиль включает высокие значения по шкалам проактивного, рефлексивного, превентивного копинга, планирования и одновременно низкие значения по шкалам поиска социальной и эмоциональной поддержки.

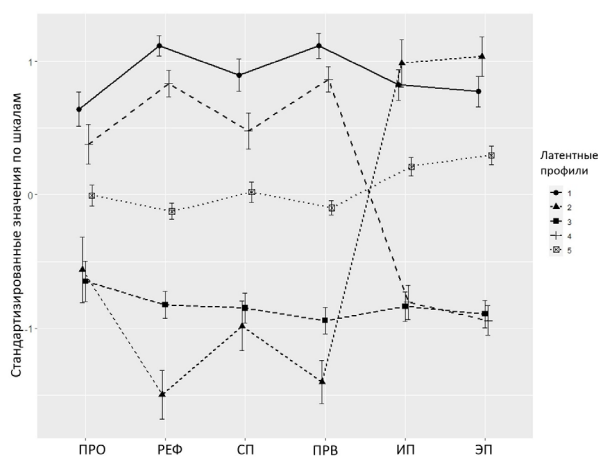

Рис. 1. Средние значения по шкалам РСІ для латентных профилей: российская выборка

Fig. 1. Mean values on proactive coping scales for latent profiles: Russian sample

Для анализа различий между профилями в уровне избегания, толерантности к неопределенности, позитивного и негативного аффекта использовался непараметрический критерий Краскала-Уоллиса, т. к. распределение данных отличается от нормального. Значимые различия между профилями могут быть найдены только в шкалах *избегание* и *толерантность к неопределенности* (табл. 3).

Для поиска парных различий между профилями был использован критерий Стил-Двас-Критчлоу-Флинер, который является вариацией классического теста Данна, но включает обязательную поправку на множественные сравнения Бонферони [30]. Были найдены значимые различия в уровне избегания между четвертым и остальными профилями, а также в уровне толерантности к неопределенности между четвертым и третьим, пятым профилями попарно (табл. 4). Для респондентов с высокими значениями по шкалам проактивного, рефлексивного, превентивного копинга, стратегического планирования и одновременно низкими значениями по шкалам поиска социальной и эмоциональной поддержки характерен значительно более низкий уровень избегания и высокий уровень толерантности к неопределенности.

Табл. 3. Результаты статистического анализа значимых различий между латентными профилями: российская выборка
Tab. 3. Statistical analysis of significant differences between latent profiles: Russian sample

Шкала	χ^2	df	p
Избегание	20,34	4	<0,001
Толерантность к неопределенности	13,55	4	0,009
Позитивный аффект	7,66	4	0,105
Негативный аффект	1,58	4	0,812

Прим.: χ^2 – Хи-квадрат; df – степени свободы.

Табл. 4. Результаты статистического анализа значимых различий между парами латентных профилей: российская выборка
Tab. 4. Statistical analysis of significant differences between pairs of latent profiles: Russian sample

Пара профилей	W	p
<i>Избегание</i>		
1–4	–4,730	0,007
3–4	–4,760	0,007
5–4	–5,424	0,001
<i>Толерантность к неопределенности</i>		
3–4	–4,079	0,032
5–4	–4,589	0,010

Анализ латентных профилей проактивных стратегий совладания: узбекская выборка

Анализ распределения данных выявил высокие показатели асимметрии и эксцесса. Распределение данных по большинству шкал статистически значимо отличается от нормального при $p < 0,001$ (табл. 5). Средние значения и стандартные отклонения по шкалам узбекской выборки близки к аналогичным значениям шкал в российской выборке, что может косвенно говорить о высокой валидности и позволяет использовать полученные данные для организации сравнительного исследования.

По результатам статистического анализа латентных профилей проактивных стратегий совладания на узбекской выборке наиболее качественной моделью является модель с пятью латентными профилями (в таблице выделено полужирным), для которой наблюдается наиболее низкий уровень байесовского информационного критерия при сохранении высокой дифференциации (табл. 6).

На рис. 2 представлены средние стандартизированные значения и 95 %-ные доверительные интервалы среднего по шкалам методики РСІ для каждого латентного профиля узбекской выборки. Полученные данные позволяют выделить пять наиболее устойчивых и достаточно дифференцированных профилей. Следует заметить, что общая структура профилей, полученных на данных узбекской выборки, совпадает со структурой профилей, полученных на российской выборке.

Табл. 5. Описательные статистики: узбекская выборка

Tab. 5. Descriptive statistics: Uzbek sample

Шкала	Среднее	Стандартное отклонение	Асимметрия	Экссесс	Критерий Шапиро-Уилка (W)
ПРО	3,00	0,554	-0,329	-0,079	0,978*
РЕФ	2,92	0,688	-0,397	-0,213	0,967*
СП	2,59	0,751	-0,006	-0,481	0,969*
ПРВ	2,83	0,642	-0,291	-0,102	0,977*
ИП	2,43	0,677	0,070	-0,457	0,979*
ЭП	2,46	0,746	0,023	-0,556	0,976*
Избегание	2,16	0,736	0,307	-0,522	0,959*
Толерантность к неопределенности	54,6	11,5	-0,163	0,261	0,993**
Позитивный аффект	34,3	7,17	-0,159	-0,248	0,992***
Негативный аффект	24,5	8,31	0,426	-0,396	0,975*

Прим.: уровень значимости критерия W: * – $p < 0,001$; ** – $p = 0,195$; *** – $p = 0,133$.

Табл. 6. Показатели качества модели латентных профилей: узбекская выборка

Tab. 6. Quality indicators of the model of latent profiles: Uzbek sample

Количество латентных профилей	AIC	BIC	Entropy
1	4632,94	4676,21	1,00
2	4419,22	4487,73	0,71
3	4362,54	4456,29	0,74
4	4296,32	4415,31	0,78
5	4255,56	4399,79	0,76
6	4247,33	4416,81	0,75

Прим.: AIC – информационный критерий Акаике; BIC – байесовский информационный критерий; Entropy – энтропия.

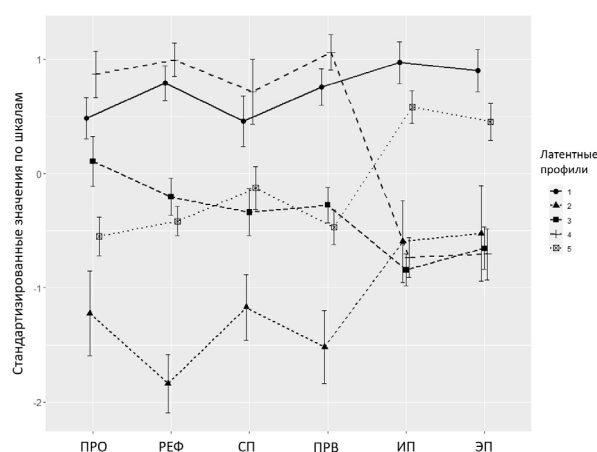

Рис. 2. Средние значения по шкалам РСІ для латентных профилей: узбекская выборка

Fig. 2. Mean values on proactive coping scales for latent profiles: Uzbek sample

Для первого профиля характерны высокие показатели по всем видам проактивного копинга. Для второго наблюдаются очень низкие значения по шкалам проактивного, рефлексивного, превентивного копинга, стратегического планирования и одновременно ниже среднего значения по шкалам поиска социальной и эмоциональной поддержки. Для третьего профиля характерны близкие к средним значения по всем шкалам, кроме низких значений по шкалам поиска поддержки. Четвертый профиль включает высокие значения по шкалам проактивного, рефлексивного, превентивного копинга, планирования и одновременно низкие значения по шкалам поиска социальной и эмоциональной поддержки. В пятом профиле наблюдаются несколько ниже среднего значения по шкалам проактивного, рефлексивного, превентивного копинга, стратегического планирования и одновременно высокие значения по шкалам поиска социальной и эмоциональной поддержки.

Для анализа различий между профилями в уровне избегания, толерантности к неопределенности, позитивному и негативному аффектам использовался непараметрический критерий Краскала-Уоллиса, т. к. распределение данных отличается от нормального. Значимые различия между профилями найдены во всех шкалах (табл. 7).

Для поиска парных различий между профилями был использован критерий Стил-Двас-Критчлоу-Флинер. Данный анализ показал, что несмотря на достаточно низкий уровень значимости критерия Краскала-Уоллиса по шкале *избегание* более консервативный критерий парных сравнений разницу между профилями не продемонстрировал. Были найдены различия между пятым и первым, третьим, четвертым профилями, а также между вторым и четвертым профилем по шкале *толерантность к неопределенности* (табл. 8). Наиболее низкие показатели толерантности к неопределенности – у второго и пятого профилей; у первого, третьего и четвертого профилей – высокие. Статистически значимые различия выявлены между первым и вторым, пятым профилями; вторым, третьим и четвертым профилями попарно; четвертым и пятым профилями по шкале

позитивный аффект. У второго профиля – наиболее низкие показатели уровня позитивных эмоций, для пятого уровня наблюдается средний уровень позитивных эмоций, а для первого, третьего и четвертого профилей характерен высокий уровень позитивных эмоций. Для второго профиля характерен более высокий уровень негативных эмоций по сравнению с остальными профилями.

Табл. 7. Результаты статистического анализа значимых различий между латентными профилями: узбекская выборка
Tab. 7. Statistical analysis of significant differences between latent profiles: Uzbek sample

Шкала	χ^2	df	p
Избегание	13,0	4	0,011
Толерантность к неопределенности	30,0	4	<0,001
Позитивный аффект	47,4	4	<0,001
Негативный аффект	23,1	4	<0,001

Прим.: χ^2 – Хи-квадрат; df – степени свободы.

Табл. 8. Результаты статистического анализа значимых различий между парами латентных профилей: узбекская выборка

Tab. 8. Statistical analysis of significant differences between pairs of latent profiles: Uzbek sample

Пара профилей	W	p
<i>Толерантность к неопределенности</i>		
1–5	–4,6564	0,009
2–4	4,4634	0,014
3–5	–4,7819	0,006
4–5	–6,5775	<0,001
<i>Позитивный аффект</i>		
1–2	–6,98	<0,001
1–5	–6,96	<0,001
2–3	5,60	<0,001
2–4	6,33	<0,001
4–5	–5,33	0,002
<i>Негативный аффект</i>		
2–1	–4,407	0,016
2–3	–5,686	<0,001
2–4	–5,895	<0,001

Обсуждение результатов

На основании анализа латентных профилей по шкалам методики РСИ на узбекской и российской выборках были выделены пять устойчивых профилей со сходной структурой. Для первого профиля (двух выборок) характерны высокие показатели по всем шкалам методики РСИ, высокие значения по шкале *позитивный аффект*. Следует заметить, что в данном профиле низкий уровень значения по шкале *негативный аффект* и высокие значения по шкале *толерантность к неопределенности* наблюдается только в узбекской выборке.

Четвертый профиль (для двух выборок) характеризуется высокими значениями по шкалам проактивного, рефлексивного, превентивного копинга, планирования и одновременно низкими значениями по шкалам поиска социальной и эмоциональной поддержки. Для этого профиля наблюдаются низкие значения по шкалам *избегание*, *негативный аффект* и высокие значения по шкалам *толерантность к неопределенности* и *позитивный аффект*. Можно сделать вывод, что для респондентов данного профиля характерно в сложной жизненной ситуации концентрироваться на собственных усилиях в достижении желаемого результата, они менее склонны к негативным переживаниям.

Для второго профиля (двух выборок) характерны низкие значения по шкалам проактивного, рефлексивного, превентивного копинга, планирования и одновременно более высокие значения по шкалам поиска социальной и эмоциональной поддержки. В этом профиле наблюдаются низкие значения толерантности к неопределенности и позитивных эмоций, одновременно высокие значения избегания. Для российской выборки в данном профиле также характерен высокий уровень негативных эмоций, в то время как для узбекской выборки это различие выявлено только на уровне тенденции. Можно предположить, что респонденты, не обладающие достаточным уровнем развития навыков самостоятельного совладания с трудной жизненной ситуацией, значительно чаще обращаются за помощью к другим людям. Это происходит на фоне негативных переживаний и боязни незнакомой ситуации.

Представляет интерес пятый профиль (двух выборок), для которого характерны средний уровень развития проактивного, рефлексивного, превентивного копинга, планирования и одновременно высокий уровень поиска социальной и эмоциональной поддержки. Для респондентов этого профиля характерным является низкий уровень толерантности к неопределенности и высокий уровень избегания. Однако, в отличие от второго профиля, уровень негативных эмоций достаточно низкий. Можно предположить, что для таких респондентов уровень развития навыков поиска поддержки позволяет на эмоциональном уровне справиться с проблемой, но их навыков недостаточно для самостоятельного ее решения, поэтому преобладает стратегия избегания.

Выводы

Наиболее адаптивным к сложной жизненной ситуации является профиль с высокими значениями по шкалам проактивного, рефлексивного, превентивного копинга, стратегического планирования и одновременно низкими значениями по шкалам поиска социальной и эмоциональной поддержки. Важно заметить, что для таких респондентов факт принятия на себя всей ответственности в решении сложной жизненной ситуации сопровождается высоким уровнем позитивного аффекта и низкими значениями негативного. Эти результаты в целом согласуются с данными предыдущих исследований [11; 15].

Наименее адаптивным к сложной жизненной ситуации является профиль с очень низкими значениями по шкалам проактивного, рефлексивного, превентивного копинга, стратегического планирования и одновременно более высокими значениями по шкалам поиска социальной и эмоциональной поддержки. Респонденты этого профиля склонны избегать решения трудной жизненной ситуации, боятся неопределенности и переживают в основном негативные эмоции. Такие результаты позволяют предположить, что несмотря на достаточно высокие навыки поиска поддержки у окружающих, эти люди не могут самостоятельно решить возникающие проблемы, что вызывает у них негативные эмоции. Для нормализации негативных эмоций, по всей видимости, уровень развития навыков самостоятельного решения проблем должен быть близок к средним значениям, например, как в пятом профиле нашего исследования. Полученные данные расходятся с рядом исследований, в которых эмоционально-ориентированные стратегии совладания положительно взаимосвязаны с эффективностью преодоления стрессовой ситуации [14]. Можно предположить, что данное противоречие связано с различным пониманием процессов эмоционально-ориентированного совладания. В нашем исследовании использовалась модель Е. Грингласса, в которой эмоционально-ориентированные стратегии совладания представлены поиском социальной и эмоциональной поддержки. Заметим, что по результатам наших исследований респонденты слабо дифференцируют указанные виды совладания. В полученных моделях средние значения по шкалам поиска социальной и эмоциональной поддержки практически

идентичны во всех латентных профилях. В других исследованиях эмоционально-ориентированного совладания [31] основной акцент делается не на поиске внешней поддержки, а на внутренних механизмах эмоциональной регуляции (например, положительной переоценки).

Наиболее благоприятной для решения трудной жизненной ситуации представляется стратегия, направленная на активизацию собственных усилий в решении проблемы, что подтверждается данными как российской, так и узбекской выборок. Эта стратегия связана с наибольшей толерантностью к неопределенности, высоким уровнем позитивных и наименьшим уровнем негативных эмоций.

Ограничения исследования

Опросники, используемые в данном исследовании, предоставлялись респондентам на русском языке, таким образом узбекская выборка состояла только из респондентов, владеющих русским языком, что могло привести к сходству найденных профилей. Размеры российской и узбекской выборок достаточны для обеспечения высокого уровня мощности используемых статистических процедур, однако они различны. Это могло внести дополнительные искажения и отразиться на итоговых данных. Уровень адаптации к трудной жизненной ситуации измерялся косвенно – посредством изучения толерантности к неопределенности и позитивного / негативного аффектов, поэтому используемая в исследовании эмпирическая модель не может описать каузальные связи между проактивным копингом, толерантностью к неопределенности, позитивным и негативным аффектами.

Литература

1. Сирота Н. А., Ялтонский В. М. Применение и внедрение программ реабилитации и профилактики зависимого поведения как актуальная задача российской клинической психологии // Медицинская психология в России. 2012. № 2. С. 72–74.
2. Нартова-Бочавер С. К. "Coping behavior" в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 5. С. 20–30.
3. Pearlin L. I., Schooler C. The structure of coping // Journal of Health and Social Behavior. 1978. Vol. 19. № 1. P. 2–21. DOI: 10.2307/2136319
4. Folkman S., Lazarus R. S. The relationship between coping and emotion: Implications for theory and research // Social Science & Medicine. 1988. Vol. 26. № 3. P. 309–317. DOI: 10.1016/0277-9536(88)90395-4
5. Skinner E. A., Edge K., Altman J., Sherwood H. Searching for the structure of coping: a review and critique of category systems for classifying ways of coping // Psychological Bulletin. 2003. Vol. 129. № 2. P. 216–269. DOI: 10.1037/0033-2909.129.2.216
6. Israel B. A., House J. S., Schurman S. J., Heaney C. A., Mero R. P. The relation of personal resources, participation, influence, interpersonal relationships and coping strategies to occupational stress, job strains, and health: A multivariate analysis // Work and Stress. 1989. Vol. 3. № 2. P. 163–194. DOI: 10.1080/02678378908256942
7. Schwarzer R. Proactive Coping Theory. Paper presented at the 20th International Conference of the Stress and Anxiety Research Society (STAR). Cracow, Poland, July 12–14, 1999.
8. Billings A. G., Moos R. H. Coping, stress and social resources among adults with unipolar depression // Journal of Personality and Social Psychology. 1984. Vol. 46. № 4. P. 877–891. DOI: 10.1037//0022-3514.46.4.877
9. Greenglass E., Fiksenbaum L., Eaton J. The relationship between coping, social support, functional disability and depression in the elderly // Anxiety, Stress & Coping. 2006. Vol. 19. № 1. P. 15–31. DOI: 10.1080/14659890500436430
10. Folkman S., Aldwin C., Lazarus R. The relationship between locus of control, cognitive appraisal and coping. Paper presented at the meetings of the American Psychological Association, Los Angeles, CA, August, 1981.
11. O'Neill C. P., Zeichner A. Working women: A study of relationships between stress, coping and health // Journal of Psychosomatic Obstetrics & Gynaecology. 1985. Vol. 4. № 2. P. 105–116. DOI: 10.3109/01674828509085266

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-4-972-981

12. Perrewe P. L., Ganster D. C. The impact of job demands and behavioral control on experienced job stress // *Journal of Organizational Behavior*. 1989. Vol. 10. № 3. P. 213–229. DOI: 10.1002/job.4030100303
13. Folkman S. Personal control, stress and coping processes: A theoretical analysis // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1984. Vol. 46. № 4. P. 839–852. DOI: 10.1037//0022-3514.46.4.839
14. Dunkel-Schetter C., Feinstein L. G., Taylor S. E., Falke R. L. Patterns of coping with cancer // *Health Psychology*. 1992. Vol. 11. № 2. P. 79–87. DOI: 10.1037//0278-6133.11.2.79
15. Greenglass E. R., Fiksenbaum L. Proactive coping, positive affect, and well-being: Testing for mediation using path analysis // *European Psychologist*. 2009. Vol. 14. № 1. P. 29–39. DOI: 10.1027/1016-9040.14.1.29
16. Wills T. A. Social support and interpersonal relationships // *Review of personality and social psychology*. Vol. 12. Prosocial behavior / ed. M. S. Clark. Newbury Park, CA: Sage, 1991. P. 265–289.
17. Greenglass E. The contribution of social support to coping strategies // *Applied Psychology: An International Review*. 1993. Vol. 42. № 4. P. 323–340. DOI: 10.1111/j.1464-0597.1993.tb00748.x
18. Ouwehand C., De Ridder D. T. D., Bensing J. M. Situational aspects are more important in shaping proactive coping behavior than individual characteristics: A vignette study among adults preparing for aging // *Psychology & Health*. 2006. Vol. 21. № 6. P. 809–825. DOI: 10.1080/14768320500537639
19. Brissette I., Scheier M. F., Carver C. S. The role of optimism and social network development, coping and psychological adjustment during a life transition // *Journal of personality and social psychology*. 2002. Vol. 82. № 1. P. 102–111. DOI: 10.1037//0022-3514.82.1.102
20. Bandura A. *Self-efficacy: The exercise of control*. N. Y.: W. H. Freeman and Company, 1997. 604 p.
21. Воищева Н. М., Никифоров Г. С., Старченкова Е. С., Слабинский В. Ю. Индивидуально-психологические особенности реактивного, активного и проактивного совладающего поведения в профессиональной деятельности экологов // *Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта*. 2018. № 2. С. 314–319.
22. Старченкова Е. С. Ресурсы проактивного совладающего поведения // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*. 2012. № 1. С. 51–61.
23. Bogdan C., Rioux L., Negovan V. Place attachment, proactive coping and well-being in university environment // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2012. Vol. 33. P. 865–869. DOI: 10.1016/j.sbspro.2012.01.245
24. Greenglass E., Schwarzer R., Taubert S. The Proactive Coping Inventory (PCI): A multidimensional research instrument. Paper presented at the 20th International Conference of the Stress and Anxiety Research Society (STAR). Cracow, Poland, July 12–14, 1999.
25. Белинская Е. П., Вечерин А. В., Агадулина Е. Р. Опросник проактивного копинга: адаптация на неклинической выборке и прогностические возможности // *Клиническая и специальная психология*. 2018. Т. 7. № 3. С. 192–211. DOI: 10.17759/psycljn.2018070312
26. Осин Е. Н. Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2012. Т. 9. № 4. С. 91–110.
27. McLain D. L. Evidence of the properties of an ambiguity tolerance measure: The Multiple Stimulus Types Ambiguity Tolerance Scale-II (MSTAT-II) // *Psychological Reports*. 2009. Vol. 105. № 3. P. 975–988. DOI: 10.2466/pr0.105.3.975-988
28. Spurk D., Hirschi A., Wang M., Valero D., Kauffeld S. Latent profile analysis: A review and "how to" guide of its application within vocational behavior research // *Journal of Vocational Behavior*. 2020. Vol. 120. DOI: 10.1016/j.jvb.2020.103445
29. Rosenberg J. M., Van Lissa C. J., Beymer P. N., Anderson D. J., Schell M. J., Schmidt J. A. tidyLPA: Easily carry out Latent Profile Analysis (LPA) using open-source or commercial software // *Journal of Open Source Software*. 2019. Vol. 3. № 30. DOI: 10.21105/joss.00978
30. Crichtlow D. E., Fligner M. A. On distribution-free multiple comparisons in the one-way analysis of variance // *Communications in Statistics – Theory and Methods*. 1991. Vol. 20. № 1. P. 127–139. DOI: 10.1080/03610929108830487
31. Frydenberg E. Coping research: Historical background, links with emotion, and new research directions on adaptive processes // *Australian Journal of Psychology*. 2014. Vol. 66. № 2. P. 82–92. DOI: 10.1111/ajpy.12051

Latent Profiles Analysis of Personal Determinants of Overcoming Adversity (Russian and Uzbek Samples)*

Alexandr V. Vecherin ^a, @, ID

^a Higher School of Economics, Russia, Moscow

@ vech2000@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-8119-9992>

Received 02.10.2020. Accepted 23.10.2020.

Abstract: The article introduces an analysis of latent profiles of personal determinants of overcoming adversity. The research included 989 Russian respondents aged 18–78 years and 272 Uzbek respondents aged 18–48. The study involved the following methods: Proactive Coping Questionnaire (PCI), Uncertainty Tolerance Questionnaire (MSTAT-II), Positive and Negative Emotions Questionnaire (PANAS). The statistical analysis of latent profiles (LPA) made it possible to describe the best model, which included five latent profiles. This model demonstrated similar profiles in the Russian and Uzbek samples. Profiles with high proactive, reflexive, preventive coping, and strategic planning values accompanied by low social and emotional support values, had a high level of positive and low values of negative decompensation. Profiles with low proactive, reflexive, preventive coping, and strategic planning values combined with high social and emotional support values were associated with high problem avoidance, low tolerance to uncertainty, and a negative decompensation.

Keywords: coping with difficulties, proactive coping, coping strategies, tolerance to uncertainty

For citation: Vecherin A. V. Latent Profiles Analysis of Personal Determinants of Overcoming Adversity (Russian and Uzbek Samples). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(4): 972–981. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-972-981>

References

1. Sirota N. A., Yaltonsky V. M. Application and implementation of rehabilitation and prevention programs for addictive behavior as an urgent task of Russian clinical psychology. *Med. psihol. Ross.*, 2012, (2): 72–74. (In Russ.)
2. Nartova-Bochaver S. K. "Coping behavior" in the system of concepts of personality psychology. *Psikhologicheskii zhurnal*, 1997, 18(5): 20–30. (In Russ.)
3. Pearlin L. I., Schooler C. The structure of coping. *Journal of Health and Social Behavior*, 1978, 19(1): 2–21. DOI: 10.2307/2136319
4. Folkman S., Lazarus R. S. The relationship between coping and emotion: Implications for theory and research. *Social Science & Medicine*, 1988, 26(3): 309–317. DOI: 10.1016/0277-9536(88)90395-4
5. Skinner E. A., Edge K., Altman J., Sherwood H. Searching for the structure of coping: a review and critique of category systems for classifying ways of coping. *Psychological Bulletin*, 2003, 129(2): 216–269. DOI: 10.1037/0033-2909.129.2.216
6. Israel B. A., House J. S., Schurman S. J., Heaney C. A., Mero R. P. The relation of personal resources, participation, influence, interpersonal relationships and coping strategies to occupational stress, job strains, and health: A multivariate analysis. *Work and Stress*, 1989, 3(2): 163–194. DOI: 10.1080/02678378908256942
7. Schwarzer R. *Proactive Coping Theory*. Paper presented at the 20th International Conference of the Stress and Anxiety Research Society (STAR). Cracow, Poland, July 12–14, 1999.
8. Billings A. G., Moos R. H. Coping, stress and social resources among adults with unipolar depression. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1984, 46(4): 877–891. DOI: 10.1037//0022-3514.46.4.877
9. Greenglass E., Fiksenbaum L., Eaton J. The relationship between coping, social support, functional disability and depression in the elderly. *Anxiety, Stress & Coping*, 2006, 19(1): 15–31. DOI: 10.1080/14659890500436430
10. Folkman S., Aldwin C., Lazarus R. *The relationship between locus of control, cognitive appraisal and coping*. Paper presented at the meetings of the American Psychological Association, Los Angeles, CA, August, 1981.
11. O'Neill C. P., Zeichner A. Working women: A study of relationships between stress, coping and health. *Journal of Psychosomatic Obstetrics & Gynaecology*, 1985, 4(2): 105–116. DOI: 10.3109/01674828509085266

* This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-013-00612 "Intercultural analysis of personal and situational determinants of overcoming adversity".

12. Perrewe P. L., Ganster D. C. The impact of job demands and behavioral control on experienced job stress. *Journal of Organizational Behavior*, 1989, 10(3): 213–229. DOI: 10.1002/job.4030100303
13. Folkman S. Personal control, stress and coping processes: A theoretical analysis. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1984, 46(4): 839–852. DOI: 10.1037//0022-3514.46.4.839
14. Dunkel-Schetter C., Feinstein L. G., Taylor S. E., Falke R. L. Patterns of coping with cancer. *Health Psychology*, 1992, 11(2): 79–87. DOI: 10.1037//0278-6133.11.2.79
15. Greenglass E. R., Fiksenbaum L. Proactive coping, positive affect, and well-being: Testing for mediation using path analysis. *European Psychologist*, 2009, 14(1): 29–39. DOI: 10.1027/1016-9040.14.1.29
16. Wills T. A. Social support and interpersonal relationships. *Review of personality and social psychology*. Vol. 12. *Prosocial behavior*, ed. Clark M. S. Newbury Park, CA: Sage, 1991, 265–289.
17. Greenglass E. The contribution of social support to coping strategies. *Applied Psychology: An International Review*, 1993, 42(4): 323–340. DOI: 10.1111/j.1464-0597.1993.tb00748.x
18. Ouwehand C., De Ridder D. T. D., Bensing J. M. Situational aspects are more important in shaping proactive coping behavior than individual characteristics: A vignette study among adults preparing for aging. *Psychology & Health*, 2006, 21(6): 809–825. DOI: 10.1080/14768320500537639
19. Brissette I., Scheier M. F., Carver C. S. The role of optimism and social network development, coping and psychological adjustment during a life transition. *Journal of personality and social psychology*, 2002, 82(1): 102–111. DOI: 10.1037//0022-3514.82.1.102
20. Bandura A. *Self-efficacy: The exercise of control*. N. Y.: W. H. Freeman and Company, 1997, 604
21. Voishcheva N. M., Nikiforov G. S., Starchenkova E. S., Slabinsky V. Yu. Individual-psychological features of reactive, active and proactive coping behavior in professional activity of ecologists. *Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta*, 2018, (2): 314–319. (In Russ.)
22. Starchenkova E. S. Psychological resource of proactive coping behavior. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika*, 2012, (1): 51–61. (In Russ.)
23. Bogdan C., Rioux L., Negovan V. Place attachment, proactive coping and well-being in university environment. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2012, 33: 865–869. DOI: 10.1016/j.sbspro.2012.01.245
24. Greenglass E., Schwarzer R., Taubert S. *The Proactive Coping Inventory (PCI): A multidimensional research instrument*. Paper presented at the 20th International Conference of the Stress and Anxiety Research Society (STAR). Cracow, Poland, July 12–14, 1999.
25. Belinskaya E. P., Vecherin A. V., Agadullina E. R. Proactive coping inventory: adaptation to a non-clinical sample and the predictive capability. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya*, 2018, 7(3): 192–211. (In Russ.) DOI: 10.17759/cpse.2018070312
26. Osin E. N. Measuring positive and negative affect: development of a Russian-language analogue of PANAS. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2012, 9(4): 91–110. (In Russ.)
27. McLain D. L. Evidence of the properties of an ambiguity tolerance measure: The Multiple Stimulus Types Ambiguity Tolerance Scale–II (MSTAT–II). *Psychological Reports*, 2009, 105(3): 975–988. DOI: 10.2466/pr0.105.3.975-988
28. Spurk D., Hirschi A., Wang M., Valero D., Kauffeld S. Latent profile analysis: A review and "how to" guide of its application within vocational behavior research. *Journal of Vocational Behavior*, 2020, 120. DOI: 10.1016/j.jvb.2020.103445
29. Rosenberg J. M., Van Lissa C. J., Beymer P. N., Anderson D. J., Schell M. J., Schmidt J. A. tidyLPA: Easily carry out Latent Profile Analysis (LPA) using open-source or commercial software. *Journal of Open Source Software*, 2019, 3(30). DOI: 10.21105/joss.00978
30. Crichtlow D. E., Fligner M. A. On distribution-free multiple comparisons in the one-way analysis of variance. *Communications in Statistics – Theory and Methods*, 1991, 20(1): 127–139. DOI: 10.1080/03610929108830487
31. Frydenberg E. Coping research: Historical background, links with emotion, and new research directions on adaptive processes. *Australian Journal of Psychology*, 2014, 66(2): 82–92. DOI: 10.1111/ajpy.12051